

Ещё свежи в памяти искренние похвалы Небесного Занавеса Минь Чжэну, но в зале императорского совета укоренившееся представление о сословной иерархии и строгих правилах продвижения по службе заставило многих чиновников усомниться в справедливости этой славы.

Даже если бы он действительно прошёл все шесть министерств благодаря одному лишь таланту и знаниям, прыжок от младшего секретаря седьмого ранга до заместителя министра по делам чиновников третьего ранга — скачок через более чем десяток ступеней чиновничьей лестницы! Такого в истории не бывало. Слишком стремительное повышение — нарушение установленного порядка.

Ли Чжао тоже ощутил эту скрытую волну недовольства. Однако в его сердце не возникло ни капли сомнения в правильности этого назначения — напротив, он почувствовал горечь за Минь Чжэна.

Если бы тот не выступил в его защиту и не нажил себе врагов, то при его блестящем дипломе «тройного первенства» и поддержке влиятельного отца-канцлера, ему полагалось бы торжественно проехать по столице на коне, сразу войти в Академию Ханьлинь и уверенно шагать к великому будущему. Как же так получилось, что его отправили сидеть на холодной скамье, а теперь ещё и осуждают за стремительный карьерный рост?

Размышляя об этом, Ли Чжао то винил себя, то с лёгкой обидой тайком взглянул на трон — как же скуп отец! Такой выдающийся выпускник, почти что воплощение звезды Вэньцуй, а его просто бросили без дела. Неужели он совсем не ценит таланты?

К счастью, Небесный Занавес явился заранее — Минь Чжэнь ещё не сдавал экзамены, и на этот раз он станет самым прославленным цзюаньюанем в столице. Хотя... неужели отец настолько мелочен, чтобы гневаться на него за события, которые даже ещё не произошли?

Император, конечно, всё заметил. Его взгляд мгновенно поймал дерзкий взгляд сына. Отец знает сына лучше всех — он сразу понял, какие непочтительные мысли вертелись в голове у юноши. Раздражённо бросил ему ответный взгляд: «Этот сын мне уже не нужен! Куда только смотрит — прямо наружу тянется!»

Из слов Небесного Занавеса он также узнал, что дело принца Чу затронуло слишком многих. Будучи императором, он был вынужден приказать собственному сыну умереть — разве могло это не причинять ему боли и гнева? Но народное мнение было бурным, и ради стабильности государства он вынужден был пожертвовать родной кровью.

В тех обстоятельствах выступление Минь Чжэна в защиту справедливости, по его мнению, было равносильно тому, что тот стал одним из «пособников» в казни принца. То, что он вообще остался на службе, — уже милость, оказанная исключительно благодаря авторитету его отца, первого министра. А теперь ещё и требуют, чтобы он лично держал этого юношу под рукой, доверял ему важнейшие дела и обращался с ним ласково? Да это же чистейшей воды бред!

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился. Его взгляд скользнул по первому министру, стоявшему в передних рядах чиновников и невозмутимо смотревшему себе под нос. «Вот ведь старый лис! Сам-то молчит, будто всё в порядке, а сынишка только и знает, как отца подставлять!»

Минь Чжэнь слушал оценку Небесного Занавеса своей «холодной скамьи», но на его благородном лице не дрогнул ни один мускул — такой исход он предвидел.

Он был лучшим кандидатом. До этого Ли Чжао не питал никаких амбиций на трон, но стоило бы ему вмешаться — и его неминуемо втянули бы в борьбу за наследие. Из-за этого они даже поссорились. Взгляд Минь Чжэня стал задумчивым, будто проникающим сквозь шум Небесного Занавеса, возвращаясь на три месяца назад, в осенний день, когда дворец Руйван был окутан печальной прохладой...

Ветер гнал по двору сухие листья, закручивая их в вихри. Вновь раздавшийся спор в зале Байлу испугал нескольких птиц, занятых сборами в южные края.

— Нет! Минь Чжэнь, на этих экзаменах ты обязан участвовать, но ни в коем случае не становись во главе! — Ли Чжао нахмурился. — Если ты возглавишь протест по делу о фальсификациях, каким бы ни был исход, отец непременно заподозрит тебя.

— Сюй Тун уже договорился с принцем Ци. Я его знаю: стоит пойти слухам, как он сам себя выдаст. Моя репутация и так подмочена — скажу, что просто невзлюбил Сюй Туна и решил его подставить. У меня есть статус принца и отцовская милость; я сделаю вид, что ничего не знаю, буду изображать простачка — и всё обойдётся.

— Именно потому, что ты принц, тебе нельзя выходить на передовую! — голос Минь Чжэня оставался мягким. — Нам нужно использовать силу общественного мнения, силу тысяч студентов, годами корпевших над книгами. Это дело не должно и тени иметь политической борьбы.

— Ты не можешь говорить от лица всех этих учеников. Они не станут соперничать из-за благородного жеста одного принца. Если кто-то решит замутить воду и объявить это борьбой между принцами, мы потеряем всё — и предадим тех, кого оклеветали. А я — всего лишь один из сдающих экзамены. Моё выступление будет естественным и вызовет отклик.

— Я сказал — нет! — Ли Чжао резко отвернулся, и в его голосе прозвучала редкая упрямость.

Минь Чжэнь смотрел на напряжённую спину друга, и в его глазах мелькнула теплота.

— Ачжао, — тихо позвал он.

Тело Ли Чжао едва заметно дрогнуло.

— Подумай о тех, кто десятилетиями учился, а теперь из-за интриг знати потерял всё.

Как и ожидал Минь Чжэнь, Ли Чжао был слишком добрым. Его плечи опустились, голос стал тише, полным тревоги:

— А если отец всё-таки разгневается и сошлёт тебя из столицы?

Почувствовав колебание, Минь Чжэнь едва уловимо улыбнулся:

— Разве у меня нет тебя, государь? Тогда придётся потрудиться тебе, Ачжао, хлопотать обо мне. А если совсем припечёт...

Он сделал паузу, и в его тоне прозвучала почти шутливая, но осторожная проба:

— ...придётся просить тебя, государь, снизойти и последовать за мной в провинцию.

Минь Чжэнь никогда не сомневался в своём будущем. Эта уверенность и лёгкое обещание в конце концов убедили юного принца, который так заботился о нём.

Вернувшись мыслями в настоящее, Минь Чжэнь тихо вздохнул. Небесный Занавес раскрыл будущее — теперь надо подумать, как утешить Ачжао.

«Император Шэнцзу блестяще разыграл свою партию: вы уходите — я меняю вас. От этого у чиновников, решивших взять отпуск в знак протеста, попросту челюсти отвисли. Только теперь они поняли: Его Величество совершенно не боится, что они бросят свои посты!

Вы играете в умственные игры — он просто берёт и заменяет вас. Хотите силой? Только если вам голова не дорога. Плавная передача власти обеспечена: Императорская гвардия и столичные войска — не для красоты стоят.

К тому же реформа системы экзаменов прежде всего бьёт по гражданским чиновникам. Военные экзамены проверяют реальные навыки в бою и стратегии — военачальники с удовольствием наблюдают, как гражданские чиновники попадают впросак, и их не склонить на свою сторону».

Этот анализ заставил многих чиновников в зале, ещё надеявшихся на коллективное давление, по-настоящему сопереживать своим будущим selves. Ни ума не приложишь, ни силы не хватает — что остаётся? Неужели бросить карьеру?

«Что делать? Нельзя же вечно стоять насмерть. Один умник быстро смекнул и нашёл идеальный выход: он предложил помочь императору с изданием книги! „Ваше Величество, раз вы добавляете новые экзамены, нужны же единые официальные учебники? Дозвольте мне, ничтожному слуге, вызваться на составление этих материалов“.

Шэнцзу, услышав это, чуть не рассмеялся от радости — как раз хотел спать, а тут подушку поднесли! Тут же ответил: „Отлично! Раз уж у тебя такое желание, восстанови свой пост и немедленно приступай!“

И, кстати, этот находчивый умник — никто иной, как Тянь Юань, будущий министр по делам чиновников, о котором мы уже упоминали — владелец той самой „половины таблички“».

Раз!

Сотни взглядов — изумлённых, презрительных и даже с лёгкой завистью — мгновенно устремились на Тянь Юаня, только что повышенного с должности заместителя министра до самого министра. В душе все единодушно шипели: «Предатель! Слабак!»

А сам министр Тянь, с лицом, круглым и добродушным, как его имя, спокойно встречал эти взгляды и даже улыбался.

Для него суть чиновничьей службы — в гибкости. Идти напролом против императора, зная, что это бесполезно, — не значит служить Конфуцию, а значит идти на верную гибель. Только тот, кто умеет приспосабливаться к обстоятельствам, достоин зваться мудрецом.

«После того как Тянь Юань подал пример, другие тоже начали следовать за ним, надеясь вернуться ко двору под предлогом составления книг. Но наш император Шэнцзу — не тот, кто принимает всех подряд.

Именно поэтому в истории Хуа появился первый систематизированный труд по управлению, изданный отдельной книгой. Главным автором стал Тянь Юань — на сотни лет опередив западные страны!

Ранее ведущий уже упоминал, что именно здесь кроется один из корней „литературного золотого века“ при Шэнцзу: в этот период зародилось множество систематизированных профессиональных трудов и идей, заложив прочный фундамент для бурного развития науки в будущем».

«Создать труд — обрести бессмертие!»

Эти восемь иероглифов, словно каменные гири, с грохотом обрушились на сердца всех гражданских чиновников. Ведь это — высшая мечта каждого учёного человека.

Тянь Юань, этот «предатель», благодаря практическому, даже „низменному“ делу составления учебников, сможет занять место в анналах истории, а его труд будет назван „каноном“!

Взгляды, полные презрения к его „измене“, мгновенно сменились завистью и даже жадным желанием. Если можно участвовать в таком великом деле и обрести вечную славу, то временная политическая позиция — что она вообще значит? Взгляды на Тянь Юаня стали невероятно сложными, но жажда и стремление в них полностью заглушили прежнее презрение.

Многие из тех, кто ещё недавно твёрдо стоял в оппозиции, теперь глубоко колебались. Если сопротивление означает быть выброшенным за борт истории, а согласие — возможность создать труд, который переживёт века... выбор становился ужасающе ясным.

Лицо Тянь Юаня сияло ещё ярче, будто от него исходил свет. В будущем он не только сохранит пост, но и войдёт в историю! Эта сделка оказалась чересчур выгодной. Он даже с лёгким торжеством оглядел собравшихся, будто говоря: «Господа, мудрец — тот, кто следует за временем!»

Что до упомянутых западных стран — очевидно, в те времена там царила дикая нецивилизованность. Хотя представления о далёком Западе у чиновников и императора были смутными, фраза «на сотни лет раньше Запада» вызвала у них подлинное чувство превосходства и гордости за собственную цивилизацию.

В глазах императора блеснул огонёк, уголки губ сами собой приподнялись. «Западные варвары, не знающие цивилизации... их наука появится лишь спустя сотни лет после нашей Великой империи Шэн!»

Небесный Занавес не только предвещал внутренние реформы, но и возвещал, что в области культуры и образования империя Шэн превзойдёт весь мир! Это — заслуга Шэнцзу и слава всей династии. Такая мысль глубоко удовлетворяла его как правителя Поднебесной.

Придворные тоже чувствовали гордость. Коллективное сознание «мы — центр мировой цивилизации» укрепилось. Прежние сомнения в реформах поблекли перед величием исторической миссии и соблазном вечной славы. Если можно участвовать в создании знаний, превосходящих варварский Запад, разве это не высшая честь для чиновника?

Многие теперь с восторгом и восхищением смотрели на Ли Чжао. Этот принц — не только избранный Небесным Занавесом правитель, но и тот, кто поведёт империю к небывалому могуществу и процветанию.

Следуя за принцем Руйваном, можно не только сохранить карьеру, но и обрести бессмертную славу. А демонстрируемая Шэнцзу политическая хватка убеждала: перед ними — правитель, способный совершать великие дела и щедро вознаграждать своих сторонников.

В этой буре эмоций Ли Чжао, человек из другого мира, чувствовал особенно остро. Ему казалось, что невидимая рука сжала его сердце, а затем резко отпустила, и по жилам хлынула горячая кровь.

Он испытывал гордость и странное ощущение исторической ясности. В прошлой жизни он слышал вопрос: почему систематизированные профессиональные знания появились на Западе? Потому ли, что западные люди умнее?

Нет. Совсем нет.

Перенесясь сюда, он глубоко ощутил мудрость и глубину древних людей этой земли. Дело не в уме — просто их знания были вплетены в широкие философские системы, ориентированные на управление государством и совершенствование личности. Они ценили практическую пользу и глубокий смысл в немногих словах, из-за чего ценные знания часто оставались разрозненными, передавались как ремесленные секреты и не оформлялись в строгие, логически выстроенные теории.

А теперь он, они — своими руками заложат первый камень в фундамент новой дороги.

На него обрушилась неведомая ранее миссия. Ему даже послышался гул поворота исторического потока.

Он и не думал, что его будущие реформы экзаменов станут тем рычагом, который запустит рождение целой системы теоретических знаний! Это — подлинное, неопишное величие.

Он может стоять на плечах великанов и в этот решающий момент истории собственными руками подтолкнуть цивилизацию к скачку!

Быть может, в будущем студенты Хуа, открывая учебник по специальности, увидят в введении: «Основы данной дисциплины восходят к древнему канону „...“ нашей страны...»

Он не знал, с кем разделить этот восторг, это потрясение от озарения и чувство, что именно он должен изменить ход истории. Ему хотелось немедленно увидеть Минь Чжэня, схватить его за руку и сказать: «Мы создаём не просто шэнши (процветающую эпоху)! Мы создаём нечто гораздо большее!»

В это же время Минь Чжэнь медленно выводил на бумаге ключевые слова: «систематизация», «отдельное издание», «западные страны». Он не знал, совпадают ли древние и современные формулировки, но мог ли он понимать это как создание совершенно новой, самодостаточной системы знаний, которая переживёт века и будет передаваться поколениям? Значение этого превосходило любые административные реформы — это была гонка со временем.

«А третий указ Шэнцзу стал другим корнем „литературного золотого века“ — основание Академии Каймин. Причина была проста: раз в экзамены вводятся профессиональные дисциплины, нужно же где-то их систематически преподавать?»

Чиновники ещё не оправались от восторга при мысли о бессмертной славе, и их мысли почти синхронизировались с повествованием Небесного Занавеса.

«Да, конечно! В Тайсюэ и Государственной академии преподают классики святых мудрецов — значит, нужна отдельная школа для практических наук!»

Некоторые даже готовы были лично читать лекции по своим будущим трудам. «Как прекрасно! Бессмертная слава! Какое блаженство!» — мечтали они о гармоничной картине образовательных реформ.

Но следующие слова Небесного Занавеса мгновенно разрушили их иллюзии.

«Это привело в ужас чиновников, едва оправившихся от предыдущих потрясений!» — тон Занавеса был почти насмешливым.

«Придворные в панике теребили бороды: „Неужели эта Академия Каймин — что-то вроде Цзисяской академии? Того самого места, где царило „столкновение ста школ“, и мысли не подчинялись контролю?!“

Помня горький опыт, они не осмеливались открыто возражать и вместо этого отправили к императору почтенного старца. Выбирая каждое слово с крайней осторожностью, тот робко спросил: „Подскажите, Ваше Величество... как именно вы намерены учредить эту академию?“

Ответ Шэнцзу был краток, но оглушителен: „Созову учителей всех школ — даосов, легистов, моистов, мастеров ремёсел и ремесленных искусств. Пусть собираются в академии и преподают без ограничений.“

Проще говоря: „Мне нужны и учёные, и технические специалисты! Академия будет принимать юношей от двенадцати до восемнадцати лет. Здесь можно заниматься философией и возвышать дух — а если не хочется, можно освоить ремесло, чтобы прокормить себя!“ Это привело конфуцианцев и аристократические семьи в ярость».

— Все школы мысли?! Ремёсла?! — один старый чиновник чуть не лишился чувств, дрожащей рукой указывая вперёд.

Что это значило? Что тысячелетнее господство конфуцианства подвергнется беспрецедентному вызову!

Учения моистов, легистов, аграриев, да ещё и ремёсла, считавшиеся „дьявольскими уловками“,

— всё это получит право стоять рядом с учением святых мудрецов в императорской академии!

— Это конец всему благородному! Позор для всей учёности! — чиновники из знатных семей побледнели.

Их власть держалась не только на передаче классиков, но и на монополии на высокие знания.

А теперь Шэнцзу собирался ввести эти «низменные ремёсла» и «еретические учения» в официальное образование и открыть доступ для детей простолюдинов! Это было прямым ударом по основам их доминирования.

Те, кто минуту назад мечтал о бессмертной славе и учениках по всей стране, наконец поняли: реформы Шэнцзу — не просто корректировка политики, а полное переустройство общества. Это было в тысячи раз радикальнее и глубже, чем просто добавление предметов на экзаменах!

Для конфуцианцев и знати настал час настоящего, всепроникающего страха и гнева. Раньше их сопротивление было борьбой за интересы — теперь это стала борьба за саму доктрину!

Император сидел на троне. Радость, вызванная мыслью о бессмертной славе и превосходстве над Западом, постепенно угасла, сменившись глубокой озабоченностью. Его брови едва заметно сдвинулись.

«Слишком радикально».

Даже если будущий Шэнцзу действительно собирался сбалансировать влияние школ и привлечь практиков, он ни в коем случае не должен был так открыто заявлять о создании академии и ставить ремёсла наравне с философскими школами.

Конфуцианство за тысячу лет стало не просто учением — оно сплелось с родовыми кланами и знатью, проникнув в самые глубины общества.

Многие великие правители пытались ограничить влияние конфуцианцев, привлекая другие школы, но ведь сама идея «небесного мандата» и иерархия отношений были неразрывно связаны с конфуцианством. Любая попытка разорвать эту связь грозила взаимным уничтожением и подрывом основ государства.

Кроме того, если допустить «столкновение ста школ», общество потеряет единый моральный компас, а где тогда окажется священность императорской власти?

Он взглянул на Ли Чжао — тот внешне был спокоен, но в глазах уже пылала решимость. «В этом юноше есть дух ломать устои и создавать шэнши... Это радует. Но он слишком горяч — сгорит дотла».

Он восхищался решимостью сына, но тревожился за его юношескую нетерпеливость и нехватку политической гибкости. Нужно найти способ направить его порыв.

Молчание императора и его нахмуренные брови не ускользнули от опытных министров. Они сразу поняли: и сам Его Величество сомневается в этом плане! В панике они ухватились за эту мысль, как за соломинку.

«Нет, нельзя сказать просто „разозлились“ — они оказали беспрецедентное и яростное сопротивление! Даже сам первый министр, до этого молчавший по вопросам экзаменационных реформ и разделения потоков, лично выступил с решительным протестом. В ту эпоху первым министром был всё ещё Чжу, тот самый ветеран, помогавший основателю династии умиротворить Поднебесную. Это показывает, насколько „чрезмерным“ показался план Шэнцзу.

И вот, в момент этого тупика, на сцену выходит наш „третий призёр“ — будущий первый ректор Академии Каймин, Мэй Фэннянь».

Автор говорит:

Этот роман перейдёт в платный режим 30-го числа, и в этот день выйдет глава объёмом в десять тысяч иероглифов! Сегодня я получила уведомление о возможности перехода в платный режим — какая неожиданная радость! Благодарю всех милых читателей за вашу поддержку! Давайте вместе ждать продолжения истории!

Банься — романы, полные радости.

<http://bllate.org/book/17167/1607040>